

Разные взгляды, а сердце одно

Эпизоды полемики западников и славянофилов:
В. Г. Белинский и К. С. Аксаков

Познакомились В. Г. Белинский и К. С. Аксаков в начале 1830-х годов в кружке Н. В. Станкевича. Общение в этом кружке отличалось демократичностью, серьезными научными интересами в области философии и эстетики, любовью к искусству и литературе, а также благожелательной атмосферой и стремлением к познанию и нравственному совершенствованию. Это сближало людей, порой различавшихся не только по сословной принадлежности, но отчасти и по убеждениям. Наиболее ярким примером тому был Аксаков, чьи славянофильские воззрения к тому времени еще окончательно не сформировались, но его идейные расхождения с другими участниками кружка уже были заметны: его порой неприятно задевала резкая критика старых обычаев, патриархальных традиций, звучавшая в кружке, в том числе со стороны Белинского. В то же время этот критический настрой кружка относился прежде всего к действительно вопиющим язвам тогдашнего российского общества — таким, как крепостное право (в чем Аксаков был единомышленником своих однокашников).

Для Белинского любовь к России подразумевала в том числе и жесткую критику негативных сторон современной ему российской действительности (угнетения и унижения личности, темноты и невежества народных масс, социальной несправедливости и т. д.), которые представлялись пережитками прошлого. Петровские реформы он считал важным шагом на пути к цивилизованному развитию, который нужно продолжить, беря в пример достижения западной цивилизации в области просвещения и демократии.

Аксаков же не вполне разделял образ мыслей и настроение кружка. Хотя, в определенной степени, ему тоже был не чужд критический взгляд на современную действительность, но для него, наоборот, русская старина и ее патриархальные традиции, в которых он склонен был видеть только положительную сторону, были ценны и святы — как сохранившаяся (в основном в крестьянстве) часть старой, допетровской Руси, в которой, по его мнению, заключался идеальный образец общественного устройства страны.

Выросший в патриархальной семье, в родительском поместье, на лоне живописной природы, окруженный любовью близких людей, вдали от

МОНАХОВА Ирина Рудольфовна — писатель, литературный критик, член Союза писателей России. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00033.

Ключевые слова: Россия, русская история, XIX век, славянофилы, западники, либерализм, общественно-политическая мысль, В. Г. Белинский, К. С. Аксаков, А. И. Герцен.

острых проблем современности, он был склонен к более уравновешенному, «беспроблемному», идиллическому воззрению на жизнь, особенно в юности. Вообще влияние большой дружной семьи с ее неизменной атмосферой дружбы и доверия, общности интересов и взаимопомощи было одним из самых важных факторов при формировании идейных убеждений братьев Аксаковых. Как отмечает А. С. Курилов, «это была настоящая русская семья, большая, крепкая, духовно здоровая, где царствовало согласие и безусловное, непререкаемое доверие всех к каждому и каждого ко всем, где все было чисто, честно, искренно, прямо, откровенно. <...> Может быть, отсюда и возникла страстная и непреклонная убежденность Константина и Ивана Аксаковых в том, что будущее России, нашего народа, всех славянских народов самым тесным и непосредственным образом связано с расцветом этого прекрасного и всепобеждающего чувства семьи единой. С этим чувством связана была для них и идея возрождения крестьянской общины»¹.

Что же касается юношеского периода его жизни, особенно первых лет его общения с кружковцами, то в это время в его представлении любовь к родной стране и критика ее недостатков были вещами несовместимыми. Не случайно в «Воспоминаниях студентства» он потом, через много лет вспоминая о кружке, отметит его «отрицательное воззрение»: «В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир — воззрение большею частию отрицательное. Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма, все это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказалось в кружке Станкевича, быть может, впервые как мнение целого общества людей. <...> Этот кружок желал правды, серьезного дела, искренности и истины. Это стремление, осуществляясь иногда односторонно, было само в себе справедливо и есть явление вполне русское»².

Как видно из этих воспоминаний, Аксаков отчасти болезненно воспринимал «отрицательное» направление кружка, но в то же время и понимал основательные причины его возникновения. Но точнее все-таки было бы назвать воззрения кружка не отрицательными, а критическими, причем не на Россию саму по себе, а на пороки ее социального устройства — прежде всего на крепостное право. Главным устремлением кружка было все-таки не отрицание, а познание. Познание жизни, искусства, человека (в частности, на основе новых достижений европейской философской мысли — идей Гегеля, Канта, Фихте, Шеллинга), стремление стать наравне с веком в познании и осмыслении действительности, «постоянный умственный интерес» и «постоянные речи о нравственных вопросах» (по словам Аксакова) — вот что было основным содержанием жизни кружка.

В Белинском и та и другая сторона нашли наиболее яркое выражение. Он был склонен резко критиковать пороки общества и ложные ценности в литературе и искусстве. В то же время нравственные вопросы, размышления о месте и судьбе личности в обществе и мироздании всегда были в центре его

¹ Курилов А. С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 16.

² В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 129–131.

внимания (как отмечал В. В. Зеньковский, «с Белинским более, чем с кем-нибудь другим, в развитии русского философского сознания связан принципиальный *этицизм*»³).

Но более всего объединяла всех в кружке (прежде всего Белинского, Станкевича и Аксакова) любовь к литературе, искусству, живой интерес к появляющимся в то время шедеврам Гоголя, созданным в духе новой, реалистической эстетики, «поэзии жизни действительной».

С Белинским связано и начало литературной деятельности Аксакова. Его первая публикация (драматическая пародия Аксакова «Олег под Константинополем») появилась в 1835 году в газете «Молва», которую Виссарион Григорьевич тогда редактировал (так же, как и журнал «Телескоп»), вместо уехавшего в длительную командировку редактора этих обоих изданий Н. И. Надеждина. Белинский напечатал отрывки из этой шуточной драмы, сопроводив их своим примечанием, где упомянул, что большую часть ее слышал «из уст скромного автора», которого представил публике как молодого человека «с необыкновенным поэтическим дарованием»⁴.

Белинский был дружен не только с Константином Аксаковым, но и с его близкими. В начале 1830-х годов он бывал в гостеприимном доме Аксаковых, где регулярно устраивались литературные вечера, посещавшиеся Н. В. Гоголем, М. С. Щепкиным, М. Н. Загоскиным, Н. И. Надеждиным, Н. Ф. Павловым, М. П. Погодиным и др. Здесь Белинский, в частности, познакомился на одном из таких вечеров с Н. В. Гоголем.

И. И. Панаев, посетивший Москву в 1839 году, вспоминал: «Белинский был всегда довольно короток в доме Аксаковых, но перед моим приездом в Москву между им и этим семейством произошло какое-то недоразумение, размолвка»⁵. К этому времени относятся наибольшие расхождения и наконец разрыв Аксакова с участниками кружка Станкевича, прежде всего из-за идейных разногласий.

После переезда Белинского в Петербург его отношения с К. Аксаковым стремительно охладели, как видно из их переписки. В начале 1840-х годов, обменявшись довольно резкими письмами, они превратились из друзей, чья молодость была накрепко связана многолетним товарищеским общением в кружке Н. В. Станкевича, в идейных противников. Все более четко формирующиеся славянофильские убеждения Аксакова вступили в явное противоречие со взглядами Белинского, в идейном развитии которого как раз в это время заканчивался период «примирения с действительностью». Теперь его начинали занимать не только отвлеченные философские теории, но и остросоциальные вопросы и в связи с этим — идеи утопического социализма. А главное — критический взгляд на реалии современной ему российской действительности, который Белинский мог высказывать в письмах весьма откровенно и со всей резкостью своего «огненного» слова. Оказалось, что такая резкость и такая откровенность не вписываются в стиль их отношений.

³ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2011. С. 264.

⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953—1959. Т. I. С. 221. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте курсивом в скобках.

⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 181.

Причем переписка в это время уже осталась единственной для них возможностью общения, так как после переезда Белинского в Петербург они с Аксаковым больше нигде не встречались и лично не общались.

Журнальные споры (особенно выступления Белинского) еще более обостряли и накаляли противостояние славянофилов и западников. Произшедший в 1842 году печатный обмен мнениями по поводу «Мертвых душ» Н. В. Гоголя стал одним из самых ярких эпизодов полемики не только между Белинским и Аксаковым, но и вообще между западниками и славянофилами, хотя содержание этой дискуссии явно выходило за рамки просто идеологического спора этих двух «партий». Слишком масштабен и важен в художественном плане был сам по себе предмет спора — недавно вышедшая в свет гоголевская поэма.

В дальнейшем полемика между западниками и славянофилами только обострялась. При этом обе стороны, конечно, увлекались, могли впадать в крайности; но и те и другие признавали и уважали искренность друг друга и понимали, что и теми, и другими движет любовь к России и стремление к ее благу, к которому они видели разные пути. Как показал исторический опыт, сами по себе реформы по западному образцу, к которым стремились западники, еще не гарантируют стране и ее народу процветания. Все гораздо сложнее. Но и идеал славянофилов — возвращение к порядкам, нравам и обычаям допетровской Руси — имеет свои существенные изъяны. Главный из них — утопичность.

Увлекаясь своей светлой мечтой об устройстве русской жизни, лишенном западного влияния, славянофилы иногда слишком отрывались от действительности, что вредило их направлению во мнениях общества. Например, К. Аксаков взял за обычай носить не обычный общепринятый костюм, а старорусскую одежду (косоворотку, мурмолку), а также отпустил бороду. В результате, по шуточному замечанию П. Я. Чаадаева (которое приводится А. И. Герценом в «Былом и думам»), «народ на улицах принимал его за персиянина»⁶. Белинский тоже в шутку по этому же поводу остроумно заметил в статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1844): «Мы думаем, что у нас скоро возникнет спор о том, кого должны мы разуместь под нашими протцами, — московитов ли XVII-го века, славян ли IX-го века или скифов и сарматов, кочевавших по сю сторону Азовского и Черного морей. <...> Чем дальше в лес, тем больше дров, по русской пословице: отыскивая родоначальников скифов и сарматов, а потом родоначальников их родоначальников, мы непременно дойдем до Адама и, как истинные археологи, решим, что нам надо ходить в костюме Адама, чтоб ни в чем не отстать от своих предков» (VIII. С. 337—338).

Аксаков не только сам одевался на старинный манер, но также пытался приобщить и светских дам к такой одежде и, конечно, не нашел в этом никакого понимания. «Ни одна не решается надеть сарафана»⁷, — сокрушался он в письме Н. В. Гоголю, который, впрочем, не одобрял таких «крайностей» и деликатно посоветовал ему дожидаться, когда монарх первым облачится в старинную одежду, и тогда уж следовать его примеру, а также напомнил о смирении: «Я вас прошу убедительно и сильно <...> не быть отличну от дру-

⁶ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 4—5. М., 1973. С. 133.

⁷ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 66.

гих своим нарядом и не отделять себя от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение». А по поводу более существенных вопросов его упреки К. Аксакову были жестче и бескомпромисснее: «До нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его»⁸.

Кстати, сам Гоголь (не примыкавший ни к западникам, ни к славянофилам) так сформулировал сущность своего отношения к русской старине, традиции и ее роли в завтрашнем дне России: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!» — писал он в 1846 году в книге «Выбранные места из переписки с друзьями»⁹. И этот подход представляется оптимальным — зерно всего лучшего, что было в старине, традиции, должно органично прорасти в настоящем и будущем, а не переноситься в застывших формах и в том числе во внешних атрибутах.

Если же говорить не об отношении к старине, а о том, что считали необходимым сделать в России, какие преобразования провести, то здесь западники и славянофилы были в ряде важных вопросов едины — и те и другие требовали демократических реформ, прежде

Западники и славянофилы были в ряде важных вопросов едины — и те и другие требовали демократических реформ, прежде всего отмены крепостного права, свободы слова. И в оценке существовавшей тогда общественно-политической ситуации в России у них не было существенных расхождений.

все отмены крепостного права, свободы слова. И в оценке существовавшей тогда общественно-политической ситуации в России у них не было существенных расхождений. Характерный пример тому — знаменитое «зальцбрунское» письмо Белинского к Гоголю 1847 года и Записка Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная императору Александру II в 1855 году. В этих двух сочинениях, написанных совсем с небольшим (по историческим меркам) временным промежутком, в наиболее ярком, четком и систематическом виде были выражены общественно-политические позиции Белинского и Аксакова, да и вообще западников и славяно-

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Он же. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1952. С. 417.

филов (насколько они могли быть выражены в современных им условиях России — при цензуре и отсутствии свободы слова). Причем Записка Аксакова, хотя и была прочитана адресатом, но не привела к какому-либо реальному результату и опубликована была лишь в 1881 году. А «зальцбруннское» письмо Белинского к Гоголю, которое, конечно, не могло тогда появиться в российской печати, вскоре после его создания разошлось в списках по всей России.

Аксаков в Записке отмечал: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. <...> Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж — страшны. <...> Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. <...> Необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу. <...> Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. <...> Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал. Правительству — неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода *жизни* и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству — право действия* и, следовательно, закона; *народу — право мнения* и, следовательно, слова»¹⁰.

Белинский в письме Гоголю 1847 года подчеркивал, что самые живые, современные национальные вопросы в России теперь — уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть (см. *Х. С. 212—220*).

Как бы по-разному ни относились западники и славянофилы к деятельности Петра I и возможностям возрождения древних, допетровских традиций, но важно, что в их общественно-политической позиции были сходные требования — реформ, свобод, отмены крепостного права. И в этом они были едины. Вот почему они, которых привычно считают разными «партиями», по существу, представляли собой (во всяком случае, в ранний период — при жизни Белинского) два крыла одной «партии» — оппозиционной к сложившейся тогда общественно-политической ситуации в России и добивавшейся демократических реформ. Это была оппозиция не столько по отношению к самой по себе высшей власти (впрочем, тут были расхождения среди западников: например, А. И. Герцен однозначно считал российское самодержавие злом для народа, а Белинский надеялся на то, что воля царя обеспечит проведение ожидаемой крестьянской реформы несмотря на нежелание правительства и аристократии), сколько к установившемуся порядку, который характеризовался повсеместным гнетом правитель-

¹⁰ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. М., 2010. С. 248—251..

ственных, чиновничьих структур и полным пренебрежением мнением народа. И западники, и славянофилы подвергались цензурному гнету. Статьи Белинского, как известно, зачастую появлялись в печати в «искромсанном» цензурой виде, а многие сочинения К. Аксакова по той же причине вообще не были опубликованы при его жизни.

К. Аксаков так характеризовал ситуацию в стране: «Взяточничество и чиновный организованный грабеж — страшны»¹¹ — почти теми же словами, что и его оппонент Белинский в письме Гоголю: «Россия <...> представляет собою ужасное зрелище страны, где <...> нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» (X. С. 213).

Западник А. И. Герцен писал: «Русское правительство — не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское»¹². Этот его вывод, в сущности, совпадает с тезисом, высказанным славянофилом К. Аксаковым в Записке царю: «Вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!»¹³

Вот где было настоящее противостояние, более существенное, чем между западниками и славянофилами: противостояние тех, кто стремился к возрождению и развитию России, и тех, кто своими делами препятствовал этому. В связи с этим символично звучат слова западника Т. Н. Грановского из его письма славянофилу И. В. Киреевскому 1845 года: «Вы сами не раз говорили мне, что в России собственно только две партии — людей благородных и низких»¹⁴. Кстати, по поводу братьев И. В. и П. В. Киреевских Т. Н. Грановский замечал: «Я от всей души уважаю этих людей, несмотря на совершенную противоположность наших убеждений»¹⁵. А. И. Герцен в письме И. С. Аксакову 1858 года подчеркивал: «Несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею, и во имя этих двух баз мы горячо жмем руку вам и С<амарину>»¹⁶.

В современных исследованиях этих направлений даже есть идея рассматривать их как некий симбиоз, составляющие части которого дополняют друг друга и одинаково необходимы для полноценного культурного развития общества. «Две линии в развитии русской культуры XIX в. осуществляли своего рода *“разделение труда”* внутри единой национальной культуры»¹⁷, — отмечает И. В. Кондаков. Имеется в виду, что славянофиль-

¹¹ Там же. С. 246.

¹² Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1956. С. 255.

¹³ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. С. 242.

¹⁴ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 442.

¹⁵ Там же. С. 402.

¹⁶ Герцен А. И. Письма издалека. М., 1981. С. 228.

¹⁷ Кондаков И. В. Славянофилы и революционные демократы в истории русской культуры // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 141.

ство и западничество, выражая собой соответственно центростремительную и центробежную тенденции развития общества, обращали пристальное внимание: первое — на постоянные, глубинные составляющие национального характера; второе — на изменчивое содержание национальной культуры, нацеленность ее к развитию, открытости, движению вперед.

Действительно, и сами западники, не приемля славянофильских представлений о будущих путях развития России и считая их утопическими, все же признавали то ценное, что есть в их идеях. Так, В. П. Боткин отмечал в письмах П. В. Анненкову: «В славянском вопросе <...> упущена только безделица — принцип политико-экономический и государственный; это есть не более, как романтические фантазии о сохранении национальных предрассудков»; «Но между тем славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга; они первые почувствовали, что наш космополитизм ведет нас только к пустомыслию и пустословию; эта так называемая “русская цивилизация” исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдруг пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякого национального корня; они первые указали на необходимость национального развития. Вообще, в критике своей они почти во всем справедливы; и в самом деле, пора была напомнить недорослю, который потому только, что, стыдясь знать свой родной язык, считал себя гражданином мира, — что он не более как недоросль. Но в критике заключается и все достоинство славян! Как только выступают они к положению — начинаются ограниченность, невежество, самая душная патриархальность, незнание самых простых начал государственной экономики, нетерпимость, обскурантизм и проч.»¹⁸

К. Аксаков же отмечал, что вовсе не отвергает взаимодействия и взаимосвязи русской и западных культур в плане приобщения к их лучшим достижениям, приводя в пример деятельность русских царей в допетровский период: «Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ Русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а еще менее от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно»¹⁹.

И в западничестве, и в славянофильстве были и крайности, и недостатки, и противоречия. Например, славянофилы явно идеализировали крестьянство, видя в нем только положительные черты и представляя его исключением из всех сословий, которые были подвержены нравственному разложению в результате петровских реформ. То есть они не учитывали в полной мере влияние «человеческого фактора» на историческую судьбу России, не хотели видеть, что, несмотря на привитие европейской культуры, образованные сословия по своему менталитету не отличаются существенно от простого народа. «Дураки славянофилы, думающие, что европеизм нас выродил и что между русским мужиком и русским профессором легла бездна!»

¹⁸ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 263, 271.

¹⁹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. С. 240.

(XII. С. 404—421) — восклицал Белинский в письме В. П. Боткину, размышляя о своих жизненных наблюдениях.

Противоречивы также воззрения К. Аксакова по одному из основных вопросов — о народе и государстве. Он утверждает, что русский народ — это «народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного». Однако необходимым элементом русского государственного устройства, связывающим власть и народ (государство и землю), он считает общественное мнение: «Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*». И образцовым периодом русской государственности, когда этот элемент в должной мере присутствовал, по его мнению, было допетровское время, когда «цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли»²⁰.

В петровской же модели государственного устройства Аксакова возмущает как раз отсутствие взаимосвязи между властью и народом, когда правительство, чуждое народному духу, не интересуется народными суждениями о том или ином общественно значимом вопросе. Это приводит к нравственному разложению и ослаблению духовных сил общества. И главным политическим требованием, высказанным Аксаковым в Записке царю, было возвращение к прежнему устройству страны: «Надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях», «Свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор»²¹. Таким образом, речь идет все-таки о реальном влиянии народа на политику властей, пусть и таким необычным путем — не конституции и представительства в парламенте, а свободного высказывания своего мнения. Значит, следуя его логике, и потенциальная возможность «участия в правлении», и «политический элемент» — все это в народе присутствует и требует реализации, и не так уж он равнодушен к государственной жизни, каким его несколько идилично сам же Аксаков представляет.

Другое явное противоречие и главный утопический элемент славянофильских идей Аксакова — это чаемое внедрение общественного мнения в политическую жизнь страны, причем по желанию именно правительства — того самого, которое, по его словам, стало чужим народу и представляет собой «завоевательное» государство, осуществляющее «иго государства над землею». Конечно, закономерно возникает вопрос: почему бы столь деспотическое правительство стало действовать вопреки всей своей прежней логике и поощрять свободу слова, спрашивать у народа его мнение по различным общественно-политическим вопросам, а услышав это мнение — считаться с ним и даже руководствоваться им в какой-то мере? Таким

²⁰ Там же. С. 249, 238.

²¹ Там же. С. 249, 256.

образом, в воззрениях Аксакова важные и ценные идеи об общественно-политическом и нравственном состоянии современной им России сочетались с неопределенным, утопическим представлением об их воплощении в жизнь.

В идеях западников тоже были свои противоречия. Например, восхищение реформаторской деятельностью Петра I в их воззрениях существовало рядом с возмущением крепостным правом, в ужесточении и узаконивании которого решающую роль сыграл как раз первый русский император. Для Белинского петровские реформы были самым значительным этапом развития России, и величие первого русского императора он видел прежде всего в том, что он преодолел традиции, оттолкнулся от прошедшего, приобщил общество к просвещению и достижениям западной цивилизации.

Но при этом Белинский, как правило, не уточняет, что одним из направлений реформирования страны Петром I было ужесточение крепостного права и фактически узаконивание рабства, существование которого больше всего возмущало Виссариона Григорьевича в современной ему российской действительности. В письме Гоголю 1847 года он утверждал, что Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек» (X. С. 213). А в одном из писем 1834 года, убеждая свою мать освободить ее единственную крепостную, сравнивал крепостников с вампирами: «Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю, иначе на вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека: это прилично одним *вампирам*» (XI. С. 113).

Такое же противоречие было и у А. И. Герцена, у которого характеристика Петра I как просветителя, великого реформатора и «первой свободной личности в России» соседствовала с обозначением его деятельности по закреплению крестьян как легкомысленной и преступной: «С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и затянул еще туже цепь крепостного права»; «Первая перепись жителей, произведенная по указу Петра I в 1710 году, подвела законные основы под все чудовищные злоупотребления; и это он, просветитель России, дал на них свое изволение»²².

В то же время оба эти направления — западничество и славянофильство — сыграли огромную роль в идейном развитии русского общества. Их формирование было связано с активным и глубоким процессом роста его самосознания в 1830—1840-е годы, что выразилось, с одной стороны, в появлении выдающихся литературных произведений, а с другой — в пристальном внимании к философскому осмыслению российской действительности, обобщению исторического опыта и обсуждению путей развития России. Этим прежде всего и ценно наследие как западников, так и славянофилов — значительным вкладом в самосознание русского общества.

Впрочем, если говорить о сходстве и разногласиях идей западников и славянофилов, то даже и Белинский в конце жизни отмечал не только те аспекты славянофильской идеологии, которые считал ошибочными, но и те, которые он ценил. Он стремился найти рациональное зерно как в идеях западников, так и в идеях славянофилов, критикуя и в тех и в других нелепые крайности. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» критик,

²² Герцен А. И. Собрание сочинений. С. 261, 168.

в частности, писал: «Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно *человеческое*, и, на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого. <...> Славянофилы правы во многих отношениях; но тем не менее их роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина их странных выводов заключается в том, что они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат. <...> Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. <...> В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...» (X. С. 19—21).

Споря со славянофилами, негативно относящимися к иностранным влияниям на русское общество, но в то же время не приемля противоположную крайность со стороны западничества — подражательный взгляд на Запад, Белинский высказал весьма проницательную мысль: «Мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль <...> не лишена основания...» (X. С. 21—22).

В этот период между Белинским и некоторыми из его друзей даже возникли моменты непонимания по поводу его отношения к их общим традиционным оппонентам — славянофилам. Впрочем, его друзья и сами признавали, что порой не успевали следить за его стремительным идейным развитием. О сочетании свойственной западникам критики «квасных патриотов» и близкой славянофилам истовой веры в силу народных истоков России свидетельствуют слова в одном из его последних писем (К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 года): «Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с вами едва ли расхожусь. Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их, как неопровержимые доказательства. Вы же пустили в ход идею развития личного начала, как содержание истории русского народа. Нам с вами жить недолго, а России — века, может быть, тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего. Личность у нас еще только наклеивается. <...> Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество стране, — не верю я их интересам» (XII. С. 433).

При этом полемическая сторона дискуссии между западниками и славянофилами отходит для Белинского на второй план. В статье «Взгляд на рус-

скую литературу 1846 года» он подчеркивает, что дело не в полемике самой по себе, а в серьезном изложении своих идей и поиске истины: «Мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным — противоборствовать с твердостью и спокойствием, без всякой вражды». Эту же мысль он высказывает и в статье «Ответ “Москвитянину”» (1847), призывая оппонентов сменить полемический задор на более основательный разговор по существу обсуждаемых вопросов: «Нужно <...> больше доказывать свои положения, чем опровергать чужие, потом выражаться насчет своих противников повежливее, с большим достоинством и вообще не ограничиваться одними общими отвлеченными рассуждениями о любви и смирении, но проявлять их в действии» (X. С. 22, 269).

Не случайно А. И. Герцен, уже после смерти Белинского и К. Аксакова, смотря как бы уже со стороны на прошедший период самой острой полемики западников и славянофилов, писал о тех и других в подчеркнуто примирительном духе: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*. <...>

Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считаться нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы — их, а потому, что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они — в нашей»²³. ◆

²³ Герцен А. И. Былое и думы. Часть 4—5. М., 1973. С. 154—155.